

*Валерий Бочков*МЕТАМОРФОЗЫ¹

Возвращаться в то лето совсем не страшно. Все уже случилось, все произошло. Время там застыло, как застывает расплавленное стекло, — с едва заметной голубоватой мутью, которая удачно добавляет предметам прозрачной зыбкости. События перешли в разряд музейных артефактов, их теперь можно безнаказанно разглядывать под любым углом. Боль и страх, пятна крови, осколки фарфора, старушечий запах и снова боль — все они теперь не более чем экспонаты, пронумерованные и педантично расставленные в хронологическом порядке.

Я предпочитаю иметь дело с прошлым. Настоящее уже отравлено будущим. Невероятная хрупкость реальности, иллюзорное благополучие которой подвешено на нитях случайности, тончайших, вроде паутины, не говоря уже о бесконечном наборе непредвиденных обстоятельств — от внезапной зубной боли до пожара на ядерной станции, — нет, я предпочитаю иметь дело с прошлым. Прошлое надежно, оно не подведет. Там нет и не может быть сюрпризов. Достаточно закрыть глаза, и ты там: уже плывешь над низкорослыми домами, скользишь, едва касаясь пальцами макушек пыльных тополей, паришь над свежевыкрашенными крышами с их трубами, антеннами, путаницей проводов различного сечения. С бесовской безнаказанностью заглядываешь в окна — тут ужинают, там смотрят в телевизор, здесь развратничают. Меж домов вдруг вспыхивает река, закат отражается рыжим в неподвижном зеркале. Вот и Крымский мост, знакомый изгиб, поворот, Стрелка. Бульвар тут утыкается в асфальтовую площадь.

На месте храма тогда был бассейн. Зимними сумерками он дымился густым белым паром. Мохнатые клубы, пробитые лучами желтых прожекторов, вставали ленивыми великанами; они расправляли туманные плечи, тщетно пытаясь приподнять чугунное московское небо.

Летом бассейн напоминал райский оазис: бирюзовая вода мельтешила солнечными зайчиками, на белокафельных берегах томились голые люди всех оттенков прожаренности — от розоватого до цвета

¹ Отрывок из романа «Планетарий».

копченной скумбрии. Иногда бассейн накрывало божественным ароматом — это южный ветер доносил запах горячей карамели, которую варили на «Красном Октябре». Кирпичное здание шоколадной фабрики стояло на противоположном берегу Москвы-реки.

Несколько раз в году нас водили всем классом в бассейн для сдачи каких-то физкультурных нормативов. Быстрее всех плавала Анька Пожарская, к девятому классу она выглядела настоящей барышней: бледная и высокая, с мягкой грудью в тесном черном купальнике. Анька запросто могла пронырнуть метров десять. По секрету (хотя особыми подругами мы никогда не были) она мне сказала, что там, под водой, она трогала наших мальчишек.

— За писюны! — давясь смехом, прошептала она мне в ухо.

Тут же и безо всякого логического перехода она рассказала мне про Церковного Топителя. Якобы та девчонка из немецкой школы, что утонула прошлым сентябрем, и тот пацан, труп которого выловили в спортивном секторе, на самом деле жертвы религиозного маньяка.

— Сектанты! Мстят за разрушенный храм. Натренировались — могут под водой по пять минут сидеть. Поднырнет такой сзади...

Мокрые волосы, туго зачесанные назад, придавали ее лицу арийскую надменность. Мы с Анькой стояли на набережной, ожидая восьмого автобуса, от фабрики тянуло растопленным шоколадом, а над Москвой плыли облака такой восхитительной белизны, что факт существования бога не требовал никаких доказательств в виде храмов, попов и прочей ерунды. Через неделю начинались каникулы. Последние летние каникулы в нашей школьной жизни.

Потом, много лет спустя, я узнала, что уже тогда Анька спала с нашим физруком, Олег-Палычем. Не помню, кто сказал мне об этом, кажется, Хохлова. Пожарская к тому времени успела выйти замуж за богатенького немца, уехать в Бремен и там разбиться насмерть на мотоцикле.

Каждый подросток несчастен по определению. Переход из детской невинности в циничный мир взрослых подобен изгнанию из Эдема. И змий явно лукавил, уверяя, что познание сделает Еву равной богам.

Бассейн закопали, и на его месте снова построили храм. Пузатый купол, похожий на купеческий самовар, я вижу каждый день, когда выхожу из метро «Кропоткинская»; и еще раз, когда возвращаюсь с домой. Я тут работаю неподалеку. Вполне закономерно, учитывая мою интимную связь с прошлым, что и местом службы я выбрала

учреждение, главным смыслом которого является консервация прошлого. Впрочем, слово «выбор» тут неуместно — я ничего не выбирала, все сложилось само собой. Игра случая или продуманный план пряжи Клото — решайте сами.

Закончив истфак Крупской, я угодила по распределению в сельскую школу под Владимиром. Темой моего диплома были «Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII — XVIII веков». Поселок назывался Камешки. Ближайший центр — город Ковров. По округе, среди сосновых лесов и холмистых полей располагались танковые полигоны, стрельбища, военные лагеря. Несколько тюрем. Тощий зэк с коричневым лицом мумии приезжал на телеге к нашей мусорной яме и там что-то выбирал. Лошадь покорно стояла рядом, а он рылся в отбросах. Найдя консервную банку, зэк указательным пальцем выскабливал нутро. После облизывал палец. На соседнем полигоне испытывали пулеметы, стреляли очередями и одиночными. Треск стоял круглые сутки. Поначалу меня это раздражало, а после привыкла. Даже перестала замечать — так более удачливые люди сживаются с шумом реки или морским прибоем.

В лесу было полно белых и подосиновиков, но местные ленились собирать грибы. А может, боялись. Прошлым летом шальной пулей убило почтальона. Он возвращался со станции и решил срезать через старое кладбище — вот и срезал.

Дети были тихие, точно сонные. Один мальчик, Славик, бледно-прозрачный, как после долгой болезни, все время молчал или куксился. Я оставила его после уроков, пытаюсь растормошить, шутила, что-то рассказывала. Ко мне подошла девочка и сказала, что Славик весной похоронил маму, а папа его в тюрьме. И что он живет с бабушкой, которая сильно пьет, потому что она видела, как папа зарубил маму топором. Славик тоже видел. А после папу забрали в тюрьму.

Прошел сентябрь, в середине октября выпал снег. На следующий день растаял, превратив ржавые листья в бурую грязь. Смеркалось рано, сразу после четырех; по ночам тьма казалась крошечной, густой, как смолистый вар. К ноябрю я перестала спать, лежала в темноте и слушала треск пулемета. Выстрелы были одиночные — с интервалом в секунду — и дробными очередями. Постепенно мне стало казаться, что это стучит дятел. Сошел с ума и теперь долбит, долбит, долбит... Даже представила безумную птицу, что мечется в ночи и отчаянно стучит в стволы сосен.

Не дотянув до зимних каникул, я сбежала. Выкрала диплом из канцелярии, покидала тряпки в чемодан и сбежала. На «кукушке» добралась до Владимира, оттуда — в Москву, три с половиной часа на электричке.

Профессор Вайншток, Лев Вадимыч, руководитель моего диплома, пристроил меня в учебный центр, который собирались открыть при гуманитарном университете. Что-то вроде филиала, куда планировали свезти гипсовые слепки и дубликаты из основной коллекции Пушкинского музея. Должность моя именовалась расплывчато — «лаборант», на деле я отвечала за классификацию античных слепков и копий, консультировала реставраторов (реставрационные мастерские тоже переехали к нам с Волхонки).

Музей изящных искусств имени императора Александра III, переименованный коммунистами почему-то в Пушкинский, создавался в первую очередь как художественно-образовательный институт. Инициатором стала Петербургская академия художеств, главной идеей: собрать под одной крышей предметы искусства от античности до Возрождения — разумеется, копии — от «Дискобола» Праксителя до шедевров Донателло и Микеланджело. Студенты — будущие живописцы, зодчие и скульпторы должны были стать основной аудиторией. Суть коллекции — не просто собрать экспонаты, задача ставилась куда более амбициозная: предметно показать процесс эволюции искусства. От простейших, наивных форм до почти божественного совершенства.

Западная цивилизация с момента зарождения пребывает в состоянии страстной любви к античности. За всю историю человечества ни одна другая культура не обожала другую так, как Запад обожает Древнюю Грецию. И как любая страсть подобного рода она не отличается объективностью — ведь образ любимой не более чем проекция фантазий пламенного ухажера. Культ поклонения античности тотален — от канонизации архитектуры, скульптуры, литературы, философии, театра, даже спорта, до идеализации простого человека, жившего в ту славную эпоху. Все античное именуется «классическим», то есть награждается высшей пробой и становится эталоном.

Античный мир в сознании европейца — это мир гармонии. Старейший Гете представлял Элладу страной прекрасных форм и идеального порядка, пребывающих в абсолютной гармонии и безупречном равновесии, мир, где эмоции подчинены разуму, а здравый смысл является главным законом; где мускулистые боги запросто навещают простых

рыбаков и соблазняют румяных пастушек, оставляя по деревьям золотокудрых пацанов, которые впоследствии завоевывают царства.

Как же был разочарован юный Пушкин, когда, желая воочию лицезреть потомков славных эллинов, они с Дельвигом поднялись на борт греческого торгового судна, пришвартованного в порту Санкт-Петербурга. То был двухмачтовый «купец», грязный и смердящий, как хлев, с командой, больше похожей на цыганский табор. Пьяные матросы играли в кости, они гоготали и ругались, спор тут же переходил в драку; капитан, тоже пьяный, ответил поэту, что ему плевать на Гарибальди и независимость Греции, поскольку вся эта патриотическая возня вредит его коммерции.

Ни одной капли благородной эллинской крови не сохранилось в природе. Она растворилась без следа в густой крови варваров — еще бы, две тысячи лет войн и нашествий. Великая цивилизация исчезла. Остались мраморные руины на Акрополе, каменные атлеты и статуи гладких женщин с отбитыми руками по музеям мира, но не это главное, каждая приличная цивилизация оставляла после себя предметы искусства, в конце концов искусство — это не более чем попытка человека обрести бессмертие, остановить время. Эллины дали нам гораздо больше, чем коллекцию мраморных статуэток или живописные развалины на холме, они подарили человечеству идею. Идею свободы. Идею человеческого достоинства.

В Элладе мерой всего стал свободный гражданин. Не всемогущий бог и не грозный царь, не свирепые традиции, возведенные в закон и не мрачные суеверия, превратившиеся в образ жизни. Свободный человек, как точка отсчета, как смысл и цель государственного устройства.

В истории человеческой цивилизации такое произошло впервые. И как результат — интеллектуальный взрыв невиданной силы. Медицина и астрономия, математика и архитектура, философия и юриспруденция, греки вплотную подошли к открытию концепции эволюции, к пониманию устройства солнечной системы — все, чем пользуемся сегодня, берет свои истоки там, в Элладе.

И недаром над входом в храм Аполлона, где хранился Дельфийский оракул, был выбит девиз, который гласил не «Бойся гнева богов», а «Познай себя».

— Знаешь что, душа моя, — начала Фрида почти ласково, — ты кончай эти свои ностальгические экскурсии...

— Чего вдруг? — насторожилась я.

По обочинам шоссе тянулись дохлые подмосковные рощи, иногда на обочину выпрыгивал какой-то сарай с пестрой вывеской, которую я не успевала прочитать. Тут же в кабину проникала вонь сгоревшего на углях жира.

— Застрянешь там. Во тьме веков. А мне придется за тебя отдуваться в нашем прекрасном настоящем.

Придерживая руль одной рукой, она нашарила сигареты в сумке, сунула одну в рот.

— Не кури, — буркнула я, — вон заправка. У нас бензин на нуле.

— Ну, ты зануда... — проворчала она, прикуривая.

Опустила стекло, выдула дым в окно. Сдвинув очки к носу, подмигнула мне в зеркало. Вот ведь стерва.

При заправке была харчевня. Перед входом стоял длинный стол из некрашенных досок и пара кривых лавок. Утоптанная в камень глина пестрела от мелкого мусора — вдавленных пивных пробок, окурков, фантиков. Если не вглядываться, то выглядело это почти красиво. Вроде мозаики. Пацан лет четырех сидел на корточках и что-то там внизу внимательно разглядывал. Его мамаша, неопрятного вида деваха с желтыми волосами, собранными в хвост торчком, лениво наблюдала за ним из-за стола. С равными промежутками она отхлебывала из пивной бутылки. После каждого глотка с отвращением морщилась, точно в бутылке был яд.

Мы с Фридой устроились на другом конце лавки. Минералка и ва-трушка показали нам наиболее безопасным выбором в меню.

— Стас! — позвала деваха. — Подика-сь к маме.

Мальчишка продолжал пялиться в землю под ногами. На нем были шорты и грязная белая майка размера на три больше.

— Стас! Брось ковыряться в говне! — уже громче. — Мухой к маме!

Никакой реакции. Мамаша отпила пива. По шоссе с ревом промчалась фура. Грохот стих и стало слышно, как в пыльной траве трещат кузнечики.

— Я сказала! — рявкнула деваха. — А ну, бегом сюда!

Пацан вздрогнул, оглянулся. Потом снова уставился в землю, тут же забыв про мать. Еще бы — там был жук! Большой и усатый, а главное, блестящий, будто и отлитый из бронзы.

— Последний раз повторяю!

Мальчишка вжал голову в плечи, он наверняка знал, что последует дальше. Но оставить жука было выше его сил. Никогда в жизни

ему не встречался такой удивительный жук. Не только красивый, но шустрый — не то что обычные жуки. Мальчишка указательным пальцем переворачивал его на спину, но тот, будто циркач, тут же делал кульбит и снова стоял на всех шести лапах.

Минералка оказалась комнатной температуры, а ватрушка по вкусу напоминала мокрый картон с творогом. Девача допила пиво, поморщилась, остатки пены вылила на землю.

— Ну все, зараза! Я тебя предупреждала...

Она встала. Плечистая, с покатою, как у борца, спиной. Тесная майка задралась, обнажив дряблый живот с синей татуировкой вокруг пупка. Наколка изображала то ли солнце, то ли цветок. Мальчишка сторбился, затылком почуяв приближение беды. Девача в два шага оказалась рядом. Подлетев, она первым делом раздавила жука. После размахнулась и со смаком вlepила звонкую оплеуху сыну. По бритому затылку. Пацан тут же заревел.

— Заткнись!

Она снова ударила его.

— Заткнись, падаль!

Ухо и шея мальчишки налились пунцовым, он теперь визжал. Упав на землю, пацан сжался в комок. Визг, резкий и непрерывный, казалось, еще больше разозлил мать. Ладонями она принялась хлестать мальчишку по спине, по плечам, по лицу.

— Вот ведь дрянь! — рычала. — Заткнись, сволочь! Заткнись!

Фрида подошла сзади, поймала ее руку. Запястье было жирным и горячим. Девка обернулась, удивленно выкатив белесые глаза. Она попыталась вырвать руку.

— Прекратите бить ребенка. — Голос у Фриды был спокойный, она не отпускала ее руку. — Он же не понимает. Он маленький.

— Тебе... — Девка часто дышала. — Тебе-то какое дело?

— Он не понимает, за что его наказывают.

— А тебе-то какого хера...

Мальчишка вдруг затих. Он поднялся с земли, со страхом поглядел на Фриду. После, обеими руками обхватив мать за мясистую ляжку, уткнулся лицом в низ ее живота, в то самое место откуда несколько лет назад он имел несчастье появиться на свет. Девка положила ладонь ему на макушку. Мучитель оказался защитником жертвы, единственным утешителем и спасителем. Фрида отпустила девку. Отошла и села.

— Наказание должно быть логическим следствием проступка. — Фрида дотянулась до сумки. — В противном случае оно воспринимается жертвой как акт бессмысленной жестокости...

— Да пошла ты... — Девка, морщась, потеряла запястье. — Своих на-рожай — их и учи. Кошелка...

— Дура ты... — Фрида достала сигареты, но передумала, сунула пачку обратно в сумку. — Внутри каждого садиста и насильника сидит вот такой затравленный пацан. Каждый серийный убийца и маньяк был искалечен в детстве своей матерью...

— Кто искалечен? — раздалось сзади насмешливо. — Какой матерью?

Фрида обернулась. От харчевни к их столу направлялся парень лет двадцати трех. В левой руке он нес сразу три бутылки пива, в правой — пузатый куль из крафтовой бумаги с темными пятнами жира.

— Кисонька, — он бухнул куль и бутылки на стол, — что это за ма-кака?

Ловко зацепив указательным пальцем бутылку за горлышко, он сделал несколько глотков. Кадык выпятился острым углом на белой шее. Парень был брит под ноль, проступившая щетина придавала черепу голубоватый отлив.

— Прицепилась... кошелка... — ответила кисонька.

Парень отпил еще.

— Тебе что нужно, манда моржовая? — Он зычно рыгнул. — Какие проблемы?

Я умоляла Фриду промолчать. Встать и уйти — без звука. Не говоря ни слова. Кулек на столе раскрылся, лениво, словно устав. Он был набит беляшами. Фрида поставила сумку на колени, выдохнув, произнесла:

— Проблема, молодой человек, в том... — Она внимательно посмотрела ему в глаза. — Простите за банальность, но дети — действительно наше будущее. Их воспитание — процесс невероятно сложный и ответственный. И доверять его некомпетентным людям не только легкомысленно, но я бы сказала преступно. На месте правительства, будь на то моя власть, я бы приняла закон о принудительной стерилизации деградантов — вроде вас и вашей кисоньки...

— Чего-чего? — Он снова рыгнул.

— Стерилизации... — Фрида ласково улыбнулась и пальцами избразила ножницы. — Чик-чик. Яйца тебе отрезать, милый друг, чтоб не плодился.

Понадобилось несколько секунд, прежде чем до парня дошло сказанное. Недоумение перешло в ярость, он приблизился вплотную и навис над Фридой.

— Ты... Ну ты... — от злости он начал заикаться, — я ж тебя...

Он неожиданно цепко схватил Фриду за горло.

— Лешик, не надо... — пискнула кисонька. — Убьешь же... Лешик...

— Убью!

Его пальцы, короткие и крепкие, больно сдавили горло. От его рук воняло беляшами и каким-то хвойным лосьоном. Фрида сунула руку в сумку, нашарила там молоток.

Коленная чашечка — весьма хрупкая часть человеческого скелета. Звук от удара вышел звонкий и сочный. Лешик ойкнул тонким голосом, совсем по-бабьи, — и мешком повалился на землю. Фрида сунула молоток в сумку и, не оглядываясь, пошла к машине.

— У меня от этой ватрушки зверская изжога, — сказала она. — Давай в Загорске поедим по-человечески.

— Давай. Только он Сергиев Посад называется.

— Не вижу особой разницы. Впрочем, как скажешь, дорогая.

Во Флоренции я не бывала, но площадь Синьории нашла бы с завязанными глазами. Флоренция для меня как Мекка для рьяного магометанина. Там, не в Мекке — во Флоренции, стоит самая знаменитая скульптура Бенвенуто Челлини, причем, не копия — подлинник, бронзовая статуя Персея. Копия, вполне пристойная, есть и у нас, в запаснике на Волхонке. Каждый раз, бывая там, я непременно навещаю ее. Почему статуя хранится в подвале, а не выставлена наверху в Итальянском дворике, я точно не знаю. Скорее всего, из-за школьных экскурсий. Не хотят травмировать детскую психику.

Бронзовый Персей гол, как из бани, из одежды лишь сандалии и крылатый шлем (и то, и другое дал взаймы ему Гермес). В правой руке кривой меч, тоже подарок Гермеса, а в левой — высоко поднятой — отрезанная женская голова. Обезглавленный нагой труп Медузы Горгоны лежит у ног Персея. Он держит голову за волосы, но если присмотреться, то это не волосы, а змеи. Из раны на шее свисает бронзовая трахея, жилы и прочие анатомические нюансы. Глаза Медузы закрыты. Суеверный Бенвенуто, когда работал над скульптурой, наивно боялся окаменеть. По легенде, даже отрезанная голова продолжала исправно превращать мужчин в камень. Именно

такой фокус проделал Персей, внезапно нагрянув на пир к жениху своей мамы царю Полидекту.

Биография Персея увлекательна, даже Пушкин включил часть его приключений в свою сказку про Салтана: опальная царица с сыном, путешествующая по волнам в бочке, прямиком из той легенды. Но меня больше занимает не Гвидон, он же Персей, а история его обезглавленной жертвы. История жуткая и странная. Отсутствие логики и неоправданная жестокость — даже по эллинским меркам, а главное, феноменальная несправедливость, цинизм и аморальность не поддаются никакому внятному объяснению. Впрочем, судите сами.

Медуза Горгона, о которой мы ведем речь, родилась в богатой греческой семье на одном из беспечных островов Эгейского моря. С детства она слыла красавицей: чистота профиля и глубина орехово-карих глаз были очаровательны, но особенно удались волосы — густые и шелковистые, к пятнадцати годам пряди достигали мягких ямочек над округлыми ягодицами. Весело и беззаботно прошло детство, юность обещала стать радостной и счастливой по всем классическим канонам.

*Красотою блистая,
Многих она женихов завидным была упованьем.
В ней же всего остального стократ прекраснее были
Волосы.*

Овидий «Метаморфозы», книга VI, 795–800.

Эта красота и стала причиной несчастья.

Повелитель морей и океанов Посейдон заметил юную гречанку. Родной брат Зевса, он был так же неудержимо похотлив и любвеобилен, как и верховный олимпиец. Обратясь черным альбатросом, морской бог выследил девушку. В тот закатный час она в одиночестве прогуливалась по прибрежному песку, собирая ракушки и прочую ерунду, которую обычно выносит прибой на сушу. Зловещая птица, кружась, начала опускаться. Девушка испугалась и бросилась бежать. Но куда? Вокруг ни души, только дюны и море; лишь за оливковой рощей белел стройной колоннадой храм Афины. Именно там беглянка и спряталась.

Именно там Посейдон и изнасиловал Горгону.

Развратный акт, совершенный в храме, считался не только серьезным грехом, но и прямым оскорблением божества, в чьем храме со-

вершилось злодеяние. Афина, узнав о безобразии, разумеется, пришла в ярость. Оно и понятно: не какая-то второсортная провинциальная задрыга, вроде Ники или Тюхе, Афина сама входит в дюжину верховных богов Олимпа. К тому же она любимая дочь Зевса, (родившаяся из его головы — оставлю эту информацию на волю вашей фантазии) покровительница мудрости и военных искусств, разумеется, она не могла — да просто не имела права — закрыть глаза и спустить на тор- мозах такое дерзкое кощунство.

Вот как раз в этом месте нашей истории и происходит логический диссонанс: наказание получает не насильник, а жертва. Афина не просто лишает бедняжку красоты, она превращает ее в чудовище. В монстра. Вместо волос — гадюки и аспиды, вместо гладкой кожи — чешуя. Перепончатые крылья нетопыря за спиной. Клыки и когти, короче, весь набор. К тому же теперь от одного взгляда Горгоны любой мужчина, юноша или невинный мальчик в два счета обращается в камень. Явный перебор: для отпугивания кавалеров, думаю, вполне хватило бы гадюк и чешуи.

Наказание, иезуитское по своей экстравагантности, оно не только жестокое, но и по-женски просчитанное: ах, все так восторгаются твоими волосами — вот тебе новая прическа! Белая кожа нежнее финикийского шелка — как теперь, чешуйки не жмут? Сладострастные ухажеры ловили твой взгляд — ну-ка, дорогуша, взгляни на них теперь! И не надо забывать, комплект кар исходит не от какого-то зловредного божества со скверным характером и дурной репутацией, вроде Гекаты, отвечающей за колдовство и черную магию, или злобной повелительницы штормов Кето. Нет, все это придумала мудрая и рациональная Афина. То есть она однозначно считала саму жертву изнасилования виноватой в этом изнасиловании. Любопытно, не правда ли?

